

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 947

doi: 10.20323/1813-145X-2021-6-123-217-228

Вечера в петербургских гостиных конца эпохи Екатерины II как форма межличностного общения

Елена Леонидовна Сараева

Доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1 els56@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>

Аннотация. В статье анализируется культура общения дворян на вечерах в столичных гостиных российских вельмож в конце эпохи Екатерины II, когда уже сформировалась субкультура образованных представителей высшего общества под влиянием идей эпохи Просвещения. Целью исследования является идентификация культуры петербургских аристократов конца XVIII в., черты которой проявлялись в их ежедневном взаимодействии. Задачи исследования заключаются в изучении степени популярности вечеров в гостиных дворян, восприятия Екатериной II мнений вельмож, стиля поведения дворян, тематики их разговоров, сочетания новаций и традиций в досуговой жизни, в определении отношения петербуржцев к иностранцам. Источники исследования — воспоминания иностранных и русских современников: польского аристократа А. Чарторыйского, французской художницы Э. Виже-Лебрен, англичанок Марты и Кэтрин Вильмот, российского журналиста Ф. В. Булгарина, записки Екатерины II. Методологической основой работы является концепция новой культурной истории, предполагающая изучение личности в контексте социальной среды, ее ценностных ориентиров, жизненных установок, норм общения. В исторической литературе изучается досуг столичных дворян, но недостаточно проанализированы особенности их межличностного общения на вечерах в гостиных конца эпохи Екатерины II.

В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы: столичные аристократы проявляли большой интерес ко взаимодействию, вечера в гостиных выполняли коммуникативную функцию, стимулировали изучение европейской литературы и искусства, языков, способствовали развитию навыков полемики. Культура русских вельмож конца эпохи Екатерины II в работе характеризуется как «русская европейскость», сочетавшая знание французской литературы, искусства и свойств русского менталитета: щедрости, гостеприимства, уважительного отношения к монархии, восприятия крепостного права как естественного состояния крестьян. Проведение дворянами вечеров в гостиных современники объясняли их стремлением к общению, удовлетворявшему потребности социального, духовного и развлекательного характера.

Ключевые слова: Екатерина II, А. Чарторыйский, екатерининские вельможи, салоны, культура дворянства, культурная идентичность, культура общения, Марта и Кэтрин Вильмот, Ф. В. Булгарин, Э. Виже-Лебрен, Е. Р. Дашкова, эпоха Просвещения, «русская европейскость»

Для цитирования: Сараева Е. Л. Вечера в петербургских гостиных конца эпохи Екатерины II как форма межличностного общения // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 6 (123). С. 217-228. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-6-123-217-228>.

**HISTORICAL ASPECTS
OF THE STUDY OF CULTURAL PROCESSES**

Original article

**Evenings in St. Petersburg living rooms at the end of Catherine II's era
as a form of interpersonal communication**

Elena L. Saraeva

Doctor of historical sciences, associate professor of the department of Russian history, FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
els56@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>

Abstract. The article analyzes the culture of communication of nobles at evenings in the capital's living rooms of Russian nobles at the end of the era of Catherine II, when a subculture of educated representatives of high society was already formed under the influence of the ideas of the Enlightenment. The purpose of the study is to identify the culture of St. Petersburg aristocrats of the late XVIII century, the features of which were manifested in their daily interaction. The tasks of the study are to study the degree of popularity of evenings in the living rooms of nobles, Catherine II's perception of the opinions of nobles, the style of nobles' behavior, the subject of their conversations, a combination of innovations and traditions in leisure life, and in determining the attitude of Petersburgers to foreigners. The sources of the study are the memoirs of foreign and Russian contemporaries: Polish aristocrat A. Czartoryski, French artist E. Vige-Lebren, Anglicans Martha and Catherine Wilmot, Russian journalist F. V. Bulgarin, notes by Catherine II. The methodological basis of the work is the concept of a new cultural history, which involves the study of the person in the context of the social environment, its value guidelines, life attitudes, and norms of communication. In historical literature, the leisure of the capital's nobles is studied, but the features of their interpersonal communication in the evenings in the living rooms of the end of the era of Catherine II are not sufficiently analyzed.

As a result of the study, the following conclusions were made: metropolitan aristocrats showed great interest in interaction, evenings in the living rooms performed a communicative function, stimulated the study of European literature and art, languages, and contributed to the development of polemic skills. The culture of Russian nobles of the end of the era of Catherine II in work is characterized as «Russian European», combining knowledge of French literature, art and the properties of the Russian mentality: generosity, hospitality, respect for the monarchy, perception of serfdom as the natural state of peasants. The nobles spent evenings in the living rooms of contemporaries explained their desire for communication, which satisfied their needs of social, spiritual and entertaining nature.

Keywords: Catherine II, A. Czartoryski, Catherine nobles, salons, nobility culture, cultural identity, culture of communication, Marta and Catherine Wilmot, F. V. Bulgarin, E. Vige-Lebren, E. R. Dashkova, Age of Enlightenment, «Russian European»

For citation: Saraeva E. L. Evenings in St. Petersburg living rooms at the end of Catherine II's era as a form of interpersonal communication. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2021;(6):217-228. (In Russ.).
<http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-6-123-217-228>.

Введение

Во второй половине XVIII в. шло изменение культурной идентичности российского столичного дворянства под влиянием европейских идей и практики, петербургского императорского двора. Эти изменения наиболее заметно проявлялись во взаимодействии дворян конца эпохи Екатерины II, способствовавшей заимствованию отдельных элементов просветительской идеологии и опыта европейского дворянства. Вечера, организуемые богатыми вельможами в петербургских и московских домах, выполняли функцию трансляции социокультурных норм и идей, одобряемых российской властью и популярных в аристократических кругах Парижа и высшего общества в стране. Высшее дворянство было сориентировано на французскую культуру, воспринимаемую

как эталонную, и волю российской императрицы. Двойное влияние обусловило особенности его культурной идентичности. Научная задача данной работы заключается в анализе сочетания европейских и национальных черт взаимодействия богатых столичных дворян в гостинных конца эпохи Екатерины II, в характеристике усвоения ими элементов нововременной культуры и сохранения некоторых традиций. Выбор субъекта исследования — высшего столичного дворянства — обусловлен его ролью в формировании социокультурных норм, на которые могли ориентироваться представители привилегированного сословия.

В российской историографии взаимодействие столичных дворян интерпретировалось в контексте характеристики повседневной практики выс-

шего сословия в XVIII — первой половине XIX в., изучения роли салонной культуры российского социума в общественной жизни страны XIX столетия. Большинство исследователей утверждают, что различные формы публичной коммуникации дворян в России появились только в эпоху Александра I (1801-1825). Б. Эйхенбаум отмечал, что «формы общения», включая кружки, салоны, «собрания, «вечеринки», были «характерны для русской культуры начала XIX в.» [Эйхенбаум, 1929, с. 3-4]. М. Аронсон и С. Рейсер значение кружков первой половины XIX столетия видели в ассимиляции литературных и общественных идей, в выполнении ими «функций литературных организаций», в создании условий для общения писателей и обсуждения культурной жизни [Аронсон, 1929, с. 18, 26]. И. П. Азерникова, определяя салоны как центры дворянской коммуникации, утверждает, что в конце XVIII в. они были лишь данью моде и следовали традициям французских салонов [Азерникова, 2009]. С. С. Комиссаренко высоко оценивает собрания дворян в XVIII в., которые выполняли функции развития речевой практики, поддерживали интерес к общественной жизни [Комиссаренко, 2003]. Короткова, изучив «европеизацию нравов московского дворянства» в эпоху Просвещения, пришла к выводу о формировании нового типа русской дворянки — любительницы искусства [Короткова, 2000]. Д. М. Мананникова, изучив письма англичанок Марты и Кэтрин Вильмот, пришла к выводу, что они критично характеризовали уровень интеллектуального общения даже образованных столичных дворян в начале XIX в. Сведения о досуговой жизни дворян приведены в ряде работ отечественных и иностранных исследователей [Бокова, 2010; Ильяева, 2009; Келлер, 2007; Колесникова, 2005; Курочкина, 1999; Лаврентьева, 1999; Лотман, 1994а; Основы личностной и коммуникативной культуры, 2018; Пономарева, Хорошилова, 2020; Чижикова, 2011; The new cultural history, 1989]. Как видно, проблематика дворянской культуры конца XVIII — первой половины XIX в. довольно обширная, изучались светская жизнь и этикет, воспитание и образование, досуг дворян. В российской историографии проблемы особенностей коммуникации столичных дворян конца эпохи Екатерины II изучены недостаточно.

Изучение черт публичной коммуникации представителей высшего столичного общества конца эпохи Екатерины II важно для понимания

тенденций изменения их культурной идентичности.

Значение мемуаров А. Чарторыйского для изучения культуры высшего дворянства конца XVIII в.

В текстах современников конца эпохи Екатерины II приведены сведения об уже популярных в среде столичного дворянства формах публичного общения, нетрадиционных для русской культуры, заимствованных из практики французских аристократов. Одной из таких форм стали вечера в гостиных богатых столичных дворян. Сведения об этих вечерах имеются в мемуарах князя Адама Ежи Чарторыйского (1770-1861). Он, с детства вовлеченный в досуговую жизнь богатых польских дворян, получивший, с его точки зрения, разносторонние знания, с юности участвовавший в салонных дискуссиях о политических и судебных системах в европейских странах, встречавшийся, по его определению, со многими выдающимися людьми в Европе, знакомый с салонной культурой в Польше, Германии, Англии, дал оценки собраний русских вельмож в конце царствования Екатерины II, сравнив их с парижскими салонами, о которых ему много рассказывали знакомые. Разделяя идеи Просвещения и будучи гуманно воспитанным, Чарторыйский оценивал культуру русских дворян в контексте идеи свободы личности, уважения ее чести и достоинства. Ненавидевший русскую императрицу за подавление восстания в Польше 1794 г., ликвидацию польской государственности и конфискацию имений его соотечественников, включая родителей, Чарторыйский, изначально не испытывая симпатий к петербургским дворянам, благосклонно судил о российском столичном обществе, руководствуясь, по его словам, соображениями рассудка. Он вынужден был назвать его «блестящим» по уровню образованности и знания французского искусства, норм этикета.

Обязанные сделать карьеру на русской службе, вынужденные с 1795 г. искать связи в Петербурге, Адам и Константин Чарторыйские часто бывали на вечерах в гостиных дворян, чтобы приобрести знакомства. Эти обстоятельства побуждали А. Чарторыйского быть внимательным к посетителям салонов, изучать их интересы, социокультурные нормы. Чарторыйский писал об отношении к нему и брату на светских вечерах, что они «были приняты петербургским обществом с большим вниманием и благорасположением», во всех гостиных встретили «благосклон-

ный прием», «симпатию» [Чарторыйский, 1998, с. 37]. Если братья Чарторыйские искали возможность благодаря русским аристократам войти в окружение императрицы, то русские вельможи хотели расширить контакты с европейцами «...мы приобрели много знакомств и ежедневно получали приглашения от представителей высшей аристократии». Чарторыйским не приходилось просить принять их в гостиных, они получали приглашения на вечера от русских вельмож, что свидетельствовало об уважительном отношении последних к иностранцам, включая польских аристократов, а это, по мнению Чарторыйского, позволяло говорить об интересе к культуре европейцев.

Интерес высшего петербургского общества к европейской культуре

Современники свидетельствовали, что представители высшего общества практически ежедневно проводили вечера вместе, имея возможность выбрать круг общения в одной из гостиных.

Изначально воспринимая петербургское общество как «чужую во всех отношениях среду», А. Чарторыйский выделил «реальные достоинства» многих русских дворян, отмечая их внимание к нему, любезность, сочувствие к молодым представителям польского образованного общества. Не сталкиваясь с проявлениями национализма в столичных салонах, он отказался от прежнего представления о русских дворянах как кровожадных существах [Чарторыйский, 1998, с. 38-39]. Как видно, встреча культур образованных поляков и русских столичных дворян выявила возможность диалога на темы литературы, искусства, пересечение их нравственных и этических норм, что обусловило возможность доброжелательного с обеих сторон общения. В салонах не обсуждалась политика Екатерины II в отношении Польши. Негласный запрет на оценку внешнеполитических шагов императрицы, несомненно, способствовал поиску русскими и польскими дворянами взаимодействия на почве общих культурных интересов. По мнению Чарторыйского, нравственная атмосфера на вечерах была доброжелательной, душевной. Он испытывал чувство благодарности к русским дворянам за дружеское участие в его судьбе.

Вечера в гостиных Чарторыйский характеризовал как основную форму общественной жизни высшего петербургского общества. Он неоднократно называл их салонами. Популярность их в Петербурге была настолько высока, что в некото-

рых домах организовывали «ежедневные вечера» [Чарторыйский, 1998, с. 40]. О ежедневных выездах некоторых петербургских дам в свет писала в мемуарах и французская художница Э. Вижелебрен (1755-1842), в 1790-е гг. жившая в России. «Добрая и очаровательная княгиня Куракина принимала у себя редко, но сама каждый вечер выезжала в свет, чаще всего к княгине Долгорукой» [Воспоминания г-жи Вижелебрен ... , 2004].

Отмечал Чарторыйский и существовавшую у петербургских дворян традицию создавать кружки, в которых они вели беседы об искусстве, возможно, политике. Как правило, кружки составляли люди, имевшие схожие увлечения и взгляды, испытывавшие симпатии друг к другу, имевшие доверительные отношения. В кружках обсуждали прочитанные книги, вели разговор о картинах и театре, они отвечали запросам образованных людей в интеллектуальном общении. В доме Головиных «собирались маленькие кружки избранного общества наподобие тех, которые существовали когда-то в Париже, продолжавшем старые традиции Версаля» [Чарторыйский, 1998, с. 40]. Вечера и кружки в петербургских гостиных по своей организации и темам бесед ассоциировались у Чарторыйского с салонами парижских дворян. Он неоднократно подчеркивал влияние французской культуры на формирование традиций петербургского общества, писал о том, что немало представителей русской аристократии подолгу жили во Франции, посещали салоны, театры, картинные галереи, учили своих детей в университетах этой страны, нанимали гувернеров из числа французских эмигрантов, заключали браки с иностранцами.

Высшее петербургское общество в гостиных говорило исключительно на французском языке, отмечали современники, в частности англичанка Марта Вильмот. Интерес высшего столичного дворянства к жизни аристократии во Франции был глубоким, а французский язык, этикет, многие нормы стали частью культуры высшего слоя привилегированного сословия в России конца эпохи Екатерины II. Процесс усвоения русскими дворянами норм светской жизни французов был длительным и, по мнению Ю. М. Лотмана, шел с эпохи Елизаветы Петровны [Лотман, 1992, с. 105]. Судя по воспоминаниям современников, многие столичные дворяне в общественной жизни демонстрировали свое знание французской салонной культуры как модной, эталонной, и в то же время уже укоренившейся в их ментальности

как своей, а не чужой. Можно утверждать, что процесс вытеснения французской салонной культурой ранее существовавших традиций общения русских дворян в столице завершился в 1790-е гг., поскольку в салонах господствовал французский язык, на котором говорили уже блестяще, этические и этикетные нормы общения, а темой большинства бесед была культура Франции и других европейских стран. По мнению Лотмана, уже в те годы «...французский язык составляет органический элемент русского культурного языкового общения» [Лотман, 1992б, с. 109].

Расширение языкового пространства способствовало и усвоению некоторых идей французов, черт их мышления, например, представлений о свободе личности, ее праве на выбор своей судьбы. Некоторые элементы французской цивилизации стали неотъемлемыми составляющими русской культуры: представления о достоинстве личности, важности ее саморазвития, чтения книг, изучения искусства, науки, необходимости быть учтивым, вежливым. Однако многие идеи русские вельможи признавали, но далеко не все из них применяли на практике. Признавая право женщин на любовь, русские вельможи стремились устроить выгодный брак для дочерей и сыновей. Чарторыйский подчеркнул, что княгиня Вяземская «выдала замуж одну из своих дочерей за герцога Серра Каприола, посла в Неаполе, другую — за датского министра и третью — за одного из графов Зубовых» [Чарторыйский, 1998, с. 41].

Как свидетельствовали современники, в гостиных аристократов благосклонно принимали иностранцев не только из высших слоев, но и среднего класса. Исключительный интерес к иностранцам разного социального происхождения, особенно французам, отмечал Чарторыйский: «...иностранцев всюду перебивали друг у друга. Дипломатический корпус и французские эмигранты вносили оживление и задавали тон» [Чарторыйский, 1998, с. 40]. Лебрен, известную в Европе художницу, повстречавшись ей в Вене русские дворяне уговаривали посетить Россию. В 1795 г., прибыв в Петербург, она была удивлена тому, «с какою приветливостью и теплым радушием относятся в этой стране ко всякому чужеземцу, в особенности если он обладает каким-нибудь талантом. Все данные мне рекомендательные письма оказались излишними» [Воспоминания г-жи Виже-Лебрен..., 2004]. Великая княгиня Елизавета, супруга Великого князя Александра Павловича, приветствовала

Лебрен словами: «Мы так давно желали вас видеть у себя...» [Воспоминания г-жи Виже-Лебрен..., 2004]. Марта Вильмот, принадлежавшая к среднему сословию, с «большим удовольствием провела три недели» в Петербурге в 1803 г., где ее «очаровало самое сердечное отношение разных людей» [Письма сестер М. и К. Вильмот..., 1987, с. 223].

Интересы образованных русских женщин в конце XVIII в.

В эпоху Просвещения шло формирование культуры образованных женщин, вызывавших уважение в обществе знанием двух, трех языков, французских романов, живописи и музыки. Среди этих женщин встречались и носительницы высокой культуры, способные вести беседы на научные темы, в том числе философские, исторические, экономические. Наиболее образованной русской дворянкой эпохи Екатерины II, кроме самой императрицы, была Екатерина Романовна Дашкова (1743-1810), чья библиотека постоянно пополнялась научными книгами на разных языках. Собрание книг было настолько большим, что Дашкова, не жалея, подарила своей гостье из Англии Кэтрин Вильмот в 1806 г. много книг научного содержания, вызвав ее восхищение столь щедрым даром: «49 томов Энциклопедии, все труды Вольтера, 7 томов писем мадам де Севинье, 3 очень интересных тома “Описания всех народностей, населяющих Россию”, с цветными изображениями костюмов каждой народности, Она также подарила мне три огромных тома произведений Мильтона, в красном сафьяне, с прелестными гравюрами, а какой там шрифт! почти все они на французском языке!» [Письма сестер М. и К. Вильмот из России, 1987, с. 339]. Не приходится сомневаться, что Дашкова эти книги прочитала. Одна из целей преподнесения ею этого подарка — способствовать умственного развитию девушки с пытливым умом, интересующейся философией и историей.

Роль интеллектуально развитых женщин в популяризации научной литературы была ограничена, поскольку у большинства дворянок отсутствовал интерес к чтению серьезных книг. М. Вильмот отметила, что на вечерах столичных дворян очаровательные русские женщины преимущественно разговаривали о любви, браке и семье: «Болтали о любви, вкусах, чувствах...», «Дамы поверяют мне свои тайны, ... распрашивают меня о моих возлюбленных, семье, друзьях...» [Письма сестер М. и К. Вильмот из России, 1987, с. 216, 218]. М. Вильмот была удивлена,

что они не обсуждали прочитанные книги. Это свидетельство можно трактовать как преобладание в системе жизненных ориентиров дворянок семейных ценностей, а в ментальности — представления о праве на любовь, вере в благородство мужчин, способных дать им счастье.

Образованные женщины, не желая ограничиваться семейно-бытовыми проблемами, создавали кружки и салоны, расширяя круг общения с высококультурными людьми столицы. Полагаем, что организация ими салонов в последние десятилетия XVIII в. уже не была только следованием моде, а определялась потребностью в совершенствовании своих знаний искусства и самопрезентации в обществе. Чарторыйский отмечал тонкое понимание искусства княгиней Головиной: «...была очень талантлива и любила искусства» [Чарторыйский, 1998, с. 40]. Очевидно, что свою восторженность и ум она проявляла, рассуждая о французской живописи и литературе. Избранность определяли, видимо, два момента: глубокий интерес к европейской культуре и собрание лиц, хорошо знавших искусство Запада. Однако далеко не все хозяйки салонов разбирались в искусстве, например, княгиня Голицына «обнаруживала мало вкуса» в мире изящного, но посетители имели удовольствие видеть богатую коллекцию картин и вести беседы о живописи и скульптуре [Чарторыйский, 1998, с. 40].

Для женщин вечера имели не меньшее, но несколько иное значение, чем для мужского общества: они доказывали своим внешним видом, элегантностью, общением индивидуальную значимость, цивилизованность, женскую привлекательность, образованность, интерес к людям, исключительность, вызывая восхищение не только мужчин, но и «подруг». Конкурентный характер женского общения отметил Чарторыйский: «...дамы соперничали умом, красотой и обаятельностью» [Чарторыйский, 1998, с. 40]. Если Екатерина Долгорукая блистала красотой, увлеченно разговаривала об искусстве, то Голицына не разбиралась в живописи, но поражала своими внешними данными. Задачей девушки, считал Чарторыйский, было держать «в цепях» завидного жениха. Об уме и красоте княгини Долгорукой писала и Лебрен [Воспоминания г-жи Виже-Лебрен ... , 2004].

Отношение императрицы Екатерины II к салонам

Петербургские салоны вызывали интерес у императрицы Екатерины II. Она хотела знать различные мнения в обществе о власти и собы-

тиях и была первой российской императрицей, осознавшей, что нельзя управлять страной, не прислушиваясь к суждениям влиятельных лиц, представителей разных сословий. Она считала ошибкой своего супруга Петра III невнимание к подданным и была уверена, что преуспела в решении задачи «снискать всеобщее благорасположение», привязывая к себе людей своим характером и поведением: «Я ... старалась приобрести привязанность всех вообще, от мала до велика; я никем не пренебрегала со своей стороны и поставила себе за правило считать, что мне все нужны, и поступать сообразно с этим...» [Екатерина II, 2003, с. 215]. Чарторыйский пришел к выводу, что императрица «интересовалась общественным мнением и старалась завоевать его в свою пользу, если только оно не противоречило ее намерениям; в противном случае она им пренебрегала» [Чарторыйский, 1998, с. 44]. По его мнению, императрица стремилась формировать общественное мнение, а если не разделяла чьи-то суждения, их игнорировала их. Поскольку общественное мнение формировалось в салонах, императрица через своих людей узнавала, что о ней говорили. Он отмечал, что Екатерина, расспрашивавшая всегда обо всем, знала все суждения наиболее авторитетных посетителей гостиных и учитывала сформированные ими оценки: так, зная об «успехе, которым ... пользовались в городе» братья Адам и Константин Чарторыйские, она пригласила их на обед. Близкие к императорскому двору лица знали об интересе императрицы к мнениям влиятельных петербуржцев и поддерживали статус своих вечеров как самых престижных в городе, а посетители этих гостиных могли рассчитывать на покровительство людей, входивших в окружение государыни.

Формирование культурной идентичности высшего дворянства в контексте просветительских идей и старомосковских традиций

Досуг столичных дворян был разнообразным. «Обеды, балы, концерты, вечера, любительские спектакли непрерывно следовали друг за другом», — сообщил Чарторыйский [Чарторыйский, 1998, с. 37]. Вечера были наиболее распространенной формой досуга столичных дворян, поскольку удовлетворяли их стремление ко взаимодействию, поддержанию приятельских отношений с нужными людьми. Чарторыйские бывали на приемах «ежедневно» [Чарторыйский, 1998, с. 37]. Они воспользовались оказанным им благосклонным приемом в гостиных, «чтобы войти

в сношения с лицами, которые могли устроить окончательный возврат нашего имущества» [Чарторыйский, 1998, с. 37]. Если сначала Екатерина II заявила, что не примет братьев Чарторыйских, то, выслушав мнения влиятельных аристократов, милостиво разрешила им явиться к ней во дворец.

А. Чарторыйский отмечал, что искренне вежливое отношение к нему русских дворян на этих вечерах постепенно изменило изначально крайне неприязненное восприятие всех русских людей. Он стал уважительно относиться к умным и приветливым петербуржцам и понял, что общение с человеком должно определяться не только его национальной, но и культурной идентичностью. Братья Чарторыйские не стремились доброжелательно относиться к русским аристократам, но они своим поведением побудили их понять, что нельзя винить и ненавидеть всех русских, что «эти русские более или менее такие же люди, как и все прочие, что между ними есть умные молодые люди, люди вежливые, приветливые, на словах, по крайней мере, что в их кружках можно встретить дам очень любезных и приятных», что должно «иногда считать себя обязанным питать к ним дружбу и чувство благодарности» [Чарторыйский, 1998, с. 39]. Общие черты культурной идентичности — знание этикетных норм, европейской литературы и искусства, вежливость — мирили Чарторыйских с посетителями петербургских вечеров.

Разнообразие в проведении вечеров проявлялось, прежде всего, в тематике бесед. Уже в это время обозначалось преобладание в салонах определенных тем разговоров, что позволило исследователям классифицировать их в первой половине XIX в. на светские, литературные, музыкальные. В 1790-е гг. в гостиной Строгановых вели разговоры только на французском языке об идеях Вольтера и Дидро, литературе и искусстве, этот салон имел философско-литературную специфику «...о парижском театре, обсуждали достоинства картин великих мастеров, собранных графом в своем доме в большом количестве» [Чарторыйский, 1998, с. 40-41]. Чарторыйский объяснял интерес к французской культуре тем, что в Париже ее изучали аристократы. Он писал, что граф Строганов, «живший долгое время в Париже, усвоил там навыки, которые представляли резкую противоположность с его старыми московскими привычками» [Чарторыйский, 1998, с. 40]. Екатерина Романовна Дашкова отмечала, что в Париже жило много русских дворян.

Салтыков, два года знакомившийся с жизнью французов, снискал «особое уважение парижан умом, образованием», литературным даром, прекрасным знанием французской литературы, но, по мнению Дашковой, был высокомерен с «низшими» и трепетал перед влиятельными людьми [Дашкова, 1987, с. 121]. Ей были очевидны и высококультурные черты русского вельможи, и особенности социально-чиновничьих отношений в России, последние были охарактеризованы ею как грубые, своенравные, далекие от истины. Эти двойственные черты русского вельможества отражали и прогресс в его интеллектуальном развитии, и консервацию социально-нравственных отношений в мире чиновников.

Чарторыйский противопоставлял французскую культуру и старомосковскую, утверждая, что они имеют разные идейно-ценностные основы. Полагаем, что не отрицали этого и русские вельможи, сознательно акцентировавшие свой интерес лишь к французской культуре, не упоминая о национальных достижениях. Однако разговоры о Вольтере не мешали русским вельможам щедро накрывать «огромный стол», что было чертой традиционной русской культуры. Как видно, вельможи не отказывали себе ни в удовольствии по-русски вести роскошный образ жизни, ни в желании создавать в обществе образ дворянина, имеющего французскую культурную идентичность.

Высшим обществом был создан культ французского искусства, образа парижской жизни, ставший модным. Согласно свидетельствам современников, подражание французской культуре со временем приобрело органический характер, поскольку она, будучи высокоразвитой, стала интересна дворянам. Чарторыйский утверждал, что среди петербургских дворян было немало людей, глубоко разбиравшихся во французском искусстве. Коллекционирование картин, обсуждение особенностей художественных стилей и достоинств полотен разных мастеров, интерпретация философских идей и театральные постановки требовали глубоких знаний и искреннего желания говорить о высоком искусстве. Гости в доме Строгановых вели интеллектуальные беседы, а свободное обсуждение выбранных ими тем свидетельствовало о начитанности, развитости навыка разговора, требовавшего знаний и уважения культуры «Другого», понимания ее значения для России. Полагаем, что французская тематика в разговорах петербургских гостиных конца XVIII в. была проявлением формирования нового

типа культуры, который позднее в русской мысли получил название «русская европейскость».

Век Просвещения привнес в культуру русских дворян идеи вольномыслия, уважения к искусству, науке, веру в разум, восхищение достижениями французской цивилизации, представления о свободе личности. Образованные дворяне с интересом усваивали новые представления о человеке, науке и искусстве. В этом увлечении следует отметить их самостоятельность в выборе культурных ориентиров, что проявляло тенденцию к относительно свободному идейно-ценностному развитию высшего общества. Полагаем, что встречи русских аристократов в гостиных были обусловлены в значительной степени потребностью в самовыражении, желанием высказать свои суждения о важном для них, узнать последние новости об императорском дворе, литературе, театре, живописи.

Гостиные стали социокультурным пространством, в котором личность могла выражать свои представления о людях и событиях, кроме мнения о российском самодержавии. Чарторыйский писал, что в гостиных свободно сочувствовали полякам после ликвидации их государства и конфискации имений. Эта свобода мнений о событиях в Польше удивила Чарторыйского: «*Несправедливость, причиненная нам распоряжениями правительства, вызывала к нам симпатию, которая не должна была оставаться бесплодной, ибо ее проявляли без всяких опасений*» [Чарторыйский, 1998, с. 37].

В гостиных шли дискуссии на разные темы. Чарторыйский предпочел не воспроизводить их, но можно предположить, что преобладала европейская тематика, так как нередко ведущую роль в дискуссиях принимали «*двое Голицыных, получивших воспитание в Париже, особенно выделялись тем саркастическим умом, который всегда забавляет и привлекает. К ним можно еще прибавить и князя Бярятинского, воспитывавшегося так же, как и они, за границей. Это трио было ареопагом гостиных. Горе было тому, кто попадал им на зубок. Бедный простачок, на которого они обрушивались, скоро становился в глазах всех полным глупцом. К ним иногда присоединялся и граф Татищев, бывший позднее послом в Вене, немного старше их*» [Чарторыйский, 1998, с. 41].

«*Бедный простачок*», видимо, мало знавший французскую культуру, не имел шансов проявить большую эрудицию, чем люди, долгое время жившие в Париже. Тема и тон обсуждения, ин-

терпретация фактов зависели от знатоков жизни парижан. «*Ареопаги гостиных*» легко увлекали присутствовавших в размышления о Франции, ее истории и действительности. Они были желанными гостями во всех салонах. Саркастический характер их суждений — свидетельство свободы высказывания. В гостиных любили «*посплетничать и позлословить*». Столичные дворяне никогда не щадили, все подвергали критике, кроме Екатерины II: «*Никого не уважали, все критиковали, презрительная и насмешливая улыбка часто сопровождала и имя великого князя Павла...*» [Чарторыйский, 1998, с. 43].

Заинтересованность петербургских вельмож в европеизации образа жизни проявлялась и при заключении браков. Чарторыйский сообщал, что они нередко выбирали своим детям супругов из европейских стран. Так, дочери графини Головиной «*позже вышли замуж, одна за Фредро, другая за Потоцкого*» [Чарторыйский, 1998, с. 40].

«*Петербургское общество было в общем блестяще, оживленно и полно разнообразных оттенков*» [Чарторыйский, 1998, с. 39]. Эта характеристика польского аристократа, с нашей точки зрения, отмечает развитость взаимодействия дворян, «оживленно» обсуждавших разнообразные проблемы, следовательно, они часто встречались с целью беседы. Назвав петербургское общество «*блестящим*», Чарторыйский признал его соответствие по многим критериям европейскому, прежде всего, по культуре общения. Англичанка Марта Вильмот, гостившая в Петербурге немного позже, в начале царствования Александра I, отметила исключительную вежливость, любезность представителей высшего столичного общества [Письма сестер М. и К. Вильмот ... , 1987, с. 214]. Ее очаровали сердечность и доброта русских женщин, она была удивлена стремлением юных девушек знать как можно больше европейских языков и английскую культуру [Письма сестер М. и К. Вильмот ... , 1987, с. 214, 216].

В характеристике Чарторыйским высшего петербургского общества было и немало критики. Он находил в его культуре лишь «*проблески европейской цивилизации*», поскольку дворянам было присуще раболепие перед императрицей и чиновниками. «*Благоденственное царствование Екатерины еще больше утвердило русских в их раболепии, хотя проблески европейской цивилизации уже проникали в их среду*». Чертой традиционного национального сознания русских дворян он считал «*общую преданность высшему авторитету царицы*» [Чарторыйский, 1998,

с. 42]. Когда в гостиных заходила речь о Екатерине II, он видел на лицах всех присутствовавших русских дворян глубочайшее уважение к ней и покорность: «...как только произносилось имя *Екатерины*, все лица принимали тотчас же серьезный и покорный вид» [Чарторыйский, 1998, с. 43]. Полагаем, что «раболепие» аристократов, приближенных к власти, обуславливалось отчасти их политическим сознанием — понимаем заслуг монархии перед Россией, отчасти зависимостью их статуса от отношения к ним царствующей особы.

Иностранцы отметили не только европейские, но и «старомосковские» черты общения и организации досуга петербургскими вельможами: щедрое гостеприимство, роскошь, радушие. В некоторых домах приглашали за стол всех присутствовавших. Строганов требовал накрывать «огромный стол, и к обеду являлись гости без всякого приглашения» [Чарторыйский, 1998, с. 41]. Лебрен воспринимала гостеприимство и щедрость как черту русской культуры, поскольку оно было присуще и столичным, и провинциальным дворянам, и купцам и крестьянам: «*Такое гостеприимство существует и внутри России...*», кормили «с добродушием» [Воспоминания г-жи Виже-Лебрен ... , 2004]. Ф. В. Булгарин (1789-1859), живший в конце XVIII в. в доме Льва Александровича Нарышкина, вспоминал, что дворец его покровителя на Мойке «*был храмом роскоши, гостеприимства и благотворения*» [Булгарин, 2001]. Он отмечал особенности культуры екатерининских вельмож: «*В коренном же вельможе было соединение всех утонченностей, всех общежительных качеств, весь блеск ума и остроумия, все благородство манер века Людовика XVI и вся вольность нравов эпохи Людовика XV; вся щедрость и пышность польских магнатов и все хлебосольство, радушие и благотельность старинных русских бояр. Цель жизни состояла в том, чтоб наслаждаться жизнью и доставлять наслаждения как можно большему числу людей, не имеющих к тому собственных средств, и чтоб среди наслаждений делать как возможно более добра, и своей силой поддерживать дарования и заслугу*» [Булгарин, 2001]. Согласно наблюдениям Булгарина, в культуре петербургских вельмож органично сочетались европейские и русские черты: вольность нравов, благородство манер, хлебосольство, радушие. По его мнению, они были открыты для общения, проявляли щедрость, позволяя себе и другим наслаждаться жизнью, блистали умом и знания-

ми. Полагаем, что благосклонная характеристика Булгариным русских вельмож (в отличие от их оценки Чарторыйским) определялась интересом русского общества к более высокой культуре, соединявший благородство и уважение к личности.

Заключение

Как видно, культурная идентичность высшего столичного дворянства многосторонне проявлялась на вечерах в гостиных. Она имела европейский и русский пласты, сочетание которых обусловило специфику «русской европейскости». Петербургское дворянство относилось к французской культуре как интересной, привлекательной своими новациями, благородством, расширением прав личности. Столичные дворяне осваивали и опыт других европейских стран, Англии, Германии, Италии. Постепенный характер процесса ознакомления с французской культурой определил освоение столичными дворянами некоторых базовых черт светской культуры. Одной из них было участие в общественной жизни — выезды в гостиные, где дворяне реализовывали свои потребности в самовыражении, коммуникации с целью приобретения новых знаний. У дворян был сформирован интерес ко взаимодействию, обусловленный как социальными, так и дружескими мотивами. Длительная практика общения в гостиных закрепила в культуре дворян строгие этикетные нормы, важнейшими из которых были любезность, вежливость, доброжелательность. Салоны отличались организацией: одни вечера строго воспроизводили салонную культуру парижских дворян, другие более напоминали старомосковские приемы, когда всех гостей приглашали за накрытые столы.

Гостиные часто посещали представители молодого и старшего поколений, мужчины и женщины, это стало формой совместного взаимодействия и способствовало освоению всеми присутствовавшими в той или иной степени развивавшихся идей, выработке общепризнанных норм и культурного кода в среде высших дворян, скорости передачи значимой для них информации. Европейской чертой культуры столичных дворян был интерес к художественной и музыкальной жизни, представление о свободе выбора, мнений. Традиционной составляющей их поведения было почтительное отношение к императрице, раболепие, когда дворяне мирились с зависимостью от чиновников разных рангов. Эти черты поведения свидетельствуют о наличии в культурной памяти высшего общества как нововременных, так и традиционных норм, сочетание которых позволя-

ет говорить об успешной адаптации высшими дворянами разных социальных установок при покровительстве власти.

Кружки и вечера в гостиных открывали дворянкам возможность проявить свою индивидуальность, достоинства, предпочтения, раскрыть свои умственные способности, продемонстрировать эрудицию. Вечера формировали благородные гендерные отношения, позволяя мужчинам высказывать свое уважение и восхищение талантами женщин, а дворянкам — выразить требования к мужскому поведению. В женской культуре проявлялось сочетание нововременных (самоуважение, понимание своего права на участие в общественной жизни) и традиционных черт (концентрация интересов на любви, браке и семье).

Вечера в гостиных выполняли функцию формирования общественного мнения. Однако их посетители знали, что Екатерина внимательно изучала суждения дворян, поэтому свобода их самовыражения, с одной стороны, была ограничена боязнью попасть в немилость к императрице, а с другой, существовало самоограничение, обусловленное почитанием Екатерины как великой императрицы, поэтому ей многое прощалось и она оставалась вне критики.

Разговоры в гостиных стимулировали посетителей к чтению книг, изучению искусства. Салоны выполняли коммуникативную функцию — передачи информации на интересующие темы: французская литература и искусство, нравы европейских народов, жизнь императорского двора, русская литература, театральные постановки, живопись, кинопроизводство, семейные истории и др. Русско-европейская тематика разговоров определялась умственными и эстетическими потребностями, социальными интересами. Интеллектуальная составляющая разговоров в гостиных — важнейшая новация, соответствовавшая нововременной культуре общества. Однако далеко не все посетители салонов могли поддерживать разговоры о науке и искусстве, многие предпочитали обсуждать насущные вопросы текущей жизни.

Общение посетителей гостиных способствовало формированию общепринятых в этой среде поведенческих установок и жизненных ориентиров. Однако хозяева гостиных сохраняли и самостоятельность в проведении вечеров, выбирая близкий им стиль поведения и особенности времяпровождения, что обуславливалось ориентацией на европейские или русские традиции. Столичное дворянство создавало свое социальное

окружение, зависевшее от связей, знакомств, установок общения с определенным кругом лиц. Это окружение поддерживалось практически ежедневно межличностными родственными, дружественными и деловыми контактами.

Дискуссии в салонах выявляли развитость рефлексии наиболее образованных столичных дворян. Общение способствовало саморазвитию личности, ее самоидентификации, стремлению к изучению языков, искусства, приобретению знаний, востребованных высшим обществом. Культура столичных дворян демонстрировала знание ими коммуникативного кода, всех требований к визитам в гостиные, тем разговорам, этикета.

Многие вельможи учитывали социальный статус гостя и хозяина, что соответствовало словесной традиции, но в некоторых гостиных приветливо встречали всех, независимо от происхождения и дохода.

Современники отмечали позитивное влияние европеизации на культуру общения дворян. Если в начале XVIII в. иностранцы писали о грубости нравов многих русских людей, то в конце столетия европейцы удивлялись чрезвычайной вежливости столичных дворян, но только в их сословной среде. Учтивость дворян не распространялась на крепостных людей. Европеизация в то время слабо повлияла на восприятие представителями высшего сословия крепостнических отношений, что вело к углублению социокультурного раскола в стране.

Высшее столичное дворянство участвовало в формировании культуры «русской европейскости», поскольку оно, в отличие от аристократии эпохи Петра I, не только позитивно относилось к опыту Запада, но и с удовольствием усваивало его и демонстрировало свою европейскость. Столичное дворянство конца XVIII в. сохраняло и черты национально-культурной идентичности, проявлявшейся в душевности, гостеприимстве, щедрости, в преданности императрице, порой доходившей до раболепия, статусности социального сознания, уважении к европейцам.

Библиографический список

Азерникова И. П. Политический салон Великой княгини Елены Павловны // Ежегодник историко-антропологических исследований. Москва: Экон-Информ, 2008. С. 47-57.

Аронсон М. Литературные салоны и кружки / М. Аронсон, С. Рейсер. Ленинград: Прибой, 1929. С. 15-82.

Бокова В. М. Повседневная жизнь Москвы в XIX веке. Москва: Молодая гвардия, 2010. 538 с.

Булгарин Ф. В. Воспоминания. Москва : Захаров, 2001. 784 с. URL: http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0170.shtml (дата обращения: 30.04.2021).

Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве, 1795-1801 : С прил. писем ее к княгине Куракиной / пер. и сост. и коммент. Д. В. Соловьева ; пер. с фр. Д. В. Соловьева. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2004. 297 с.

Екатерина II. Мемуары // Екатерина II. Памятник моему самолюбию. Москва : Эксмо, 2003. С. 171-541.

Ильяева И. А. Информационно-коммуникативная культура личности : учеб. пособ. / И. А. Ильяева, В. Н. Маркова, Т. С. Одинцова. Москва : ИП Уваров В. М., 2009. 221 с.

Келлер Е. Э. Светская жизнь в интерьерах столичных особняков. Санкт-Петербург : Аврора : Русская коллекция, 2007. 373 с.

Колесникова А. В. Бал в России XVIII — начала XIX в. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. 301 с.

Комиссаренко С. С. Культурные традиции русского общества : учебное пособие для студентов вузов культуры и искусства. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2003. 300 с.

Короткова М. В. Эволюция материальной и духовной культуры московского дворянства в контексте повседневности XVIII — первой половины XIX века. Москва : Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2008. 512 с.

Курочкина И. Н. Истоки становления и развития русского этикета : С древнейших времен до XVIII в. Москва : Жизнь и мысль, 1999. 174 с.

Лаврентьева Е. В. Светский этикет пушкинской поры. Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 1999. 637 с.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. Москва : Смысл : Академия, 2004. 352 с.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и нравы русского дворянства (XVIII — начало XIX века). Санкт-Петербург : Искусство-СПБ., 1994. 399 с.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. Москва : Гнозис : Издательская Группа «Прогресс», 1992. 272 с.

Мананникова Д. М. Культура общения представителей высшего дворянства в России начала XIX в. (по текстам М. и К. Вильмот) // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования : материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского» / отв. ред. А. М. Ходырев. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 36-40.

Основы личностной и коммуникативной культуры: культура и личность : учебное пособие / коллектив авторов / под ред. С. В. Кущенко. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2018. 62 с.

Письма сестер М. и К. Вильмот из России // Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. Москва : Изд-во Московского университета, 1987. С. 209-426.

Пономарева В. В. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII — начало XX века / В. В. Пономарева, Л. Б. Хорошилова. Москва : Ломоносов, 2020. 288 с.

Чарторыйский А. Мемуары. Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. 304 с.

Чижилова А. С. Жизненный уклад русских столичных дворян в первой половине XIX в. // Вестник Московского городского педагогического университета. 2011. № 2 (8). С. 74-82.

Эйхенбаум Б. Предисловие // Аронсон М., Рейсер С. Литературные салоны и кружки. Ленинград : Прибой, 1929. С. 3-7.

The new cultural history / ed. by L. Hunt. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1989. 244 p.

Reference list

Azernikova I. P. Politicheskij salon Velikoj knjagini Eleny Pavlovny = Political salon of Grand Duchess Elena Pavlovna // Ezhegodnik istoriko-antropologicheskikh issledovanij. Moskva : Jekon-Inform, 2008. S. 47-57.

Aronson M. Literaturnye salony i kruzhki = Literary salons and mugs / M. Aronson, S. Rejser. Leningrad : Priboj, 1929. S. 15-82.

Bokova V. M. Povsednevnaja zhizn' Moskvy v XIX veke = Everyday life of Moscow in the XIX century. Moskva : Molodaja gvardija, 2010. 538 s.

Bulgarin F. V. Vospominanija = Memoirs. Moskva : Zaharov, 2001. 784 s. URL: http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0170.shtml (data obrasheniya: 30.04.2021).

Vospominanija g-zhi Vizhe-Lebren o prebyvanii ee v Sankt-Peterburge i Moskve, 1795-1801: S pril. pisem ee k knjagine Kurakinoj = Memories of Ms. Vige-Lebren about her stay in St. Petersburg and Moscow, 1795-1801: with the attached letters to Princess Kurakina / per. i sost. i komment. D. V. Solov'eva ; per. s fr. D. V. Solov'eva. Sankt-Peterburg : Iskustvo-SPB, 2004. 297 s.

Ekaterina II. Memuary = Memoirs // Pamjatnik moemu samoljubiju. Moskva : Jeksmo, 2003. S. 171-541.

Il'jaeva I. A. Informacionno-kommunikativnaja kul'tura lichnosti = Information and communication culture of the individual : ucheb. posob. / I. A. Il'jaeva, V. N. Markova, T. S. Odincova. Moskva : IP Uvarov V. M., 2009. 221 s.

Keller E. Je. Svetskaja zhizn' v inter'erah stolichnyh osobnjakov = Secular life in the interiors of the capital's mansions. Sankt-Peterburg : Avrora : Russkaja kollekcija, 2007. 373 s.

Kolesnikova A. V. Bal v Rossii XVIII — nachala XIX v. = Ball in Russia of the XVIII — early XIX centuries. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2005. 301 s.

Komissarenko S. S. Kul'turnye tradicii russkogo obshhestva = Cultural traditions of Russian society: a text-book for students of culture and art universities : uchebnoe posobie dlja studentov vuzov kul'tury i iskusstva. Sankt-Peterburg : SPbGUP, 2003. 300 s.

Korotkova M. V. *Jevoljucija material'noj i duhovnoj kul'tury moskovskogo dvorjanstva v kontekste povsednevnosti XVIII — pervoj poloviny XIX veka* = The evolution of the material and spiritual culture of the Moscow nobility in the context of everyday life of the XVIII — first half of the XIX centuries. Moskva : Akademiya povysenija kvalifikacii i professional'noj perepodgotovki rabotnikov obrazovanija, 2008. 512 s.

Kurochkina I. N. *Istoki stanovlenija i razvitija russkogo jetiketa: S drevnejshih vremen do HVIII v.* = The origins of the formation and development of Russian etiquette: From ancient times to the XVIII century. Moskva : Zhizn' i mysl', 1999. 174 s.

Lavrent'eva E. V. *Svetskij jetiket pushkinskoj pory* = Secular etiquette of the Pushkin period. Moskva : OLMA-PRESS, 1999. 637 s.

Leont'ev A. N. *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' = Activities. Consciousness. Personality.* Moskva : Smysl : Akademiya, 2004. 352 s.

Lotman Ju. M. *Besedy o russkoj kul'ture. Byt i navy russkogo dvorjanstva (XVIII — nachalo XIX veka) = Conversations about Russian culture. Life and morals of the Russian nobility (XVIII — early XIX century).* Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb., 1994. 399 s.

Lotman Ju. M. *Kul'tura i vzryv = Culture and explosion.* Moskva : Gnozis : Izdatel'skaja Gruppy «Progress», 1992. 272 s.

Manannikova D. M. *Kul'tura obshhenija predstavitelej vysshego dvorjanstva v Rossii nachala XIX v. (po tekstam M. i K. Vil'mot) = The culture of communication of the higher nobility representatives in Russia at the beginning of the XIX century (according to the texts of M. and K.*

Wilmot) // *Voprosy otechestvennoj i zarubezhnoj istorii, politologii, sociologii, teologii, obrazovanija : materialy nauchno-prakticheskoi konferencii «Chtenija Ushinskogo»* / otv. red. A. M. Hodyrev. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. S. 36-40.

Osnovy lichnostnoj i kommunikativnoj kul'tury: kul'tura i lichnost' = Fundamentals of personal and communicative culture: culture and personality : uchebnoe posobie / kollektiv avtorov ; pod red. S. V. Kushhenko. Novosibirsk : Izd-vo NGTU, 2018. 62 s.

Pis'ma sester M. i K. Vil'mot iz Rossii = Letters from M. and K. Wilmot sisters from Russia // Dashkova E. R. *Zapiski. Pis'ma sester M. i K. Vil'mot iz Rossii.* Moskva : Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1987. S. 209-426.

Ponomareva V. V. *Mir russkoj zhenshhiny: sem'ja, professija, domashnij uklad XVIII — nachalo XX veka = The world of Russian women: family, profession, household. XVIII — early XX centuries / V. V. Ponomareva, L. B. Horoshilova.* Moskva : Lomonosov, 2020. 288 s.

Chartoryjskij A. *Memuary = Memoirs.* Moskva : TERRA-Knizhnyj klub, 1998. 304 s.

Chizhikova A. C. *Zhiznennyj uklad russkih stolichnyh dvorjan v pervoj polovine XIX v. = The way of life of the Russian capital nobles in the first half of the XIX century* // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta.* 2011. № 2 (8). S. 74-82.

Jejhenbaum B. *Predislovie = Preface* // Aronson M., Rejser S. *Literaturnye salony i kruzhki.* Leningrad : Priboj, 1929. S. 3-7.

The new cultural history / ed. by L. Hunt. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1989. 244 p.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021; одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 23.11.2021.

The article was submitted on 11.10.2021; approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication on 23.11.2021.